

Е. А. АКОПЯН

Д. И. ЩЕРБАКОВ В АРМЕНИИ

Поздней осенью тридцать девятого года я работала в Каджаране. Наш небольшой отряд состоял всего из трех человек: начальника отряда—Сурена Амбарцумовича Мовсесяна (ныне первый заместитель Председателя Совета Министров Армении), старшего коллектора—Гаспара Багдасаряна (впоследствии и ныне директора мраморного завода республики) и геолога—автора этих строк. В ту пору Сурен Амбарцумович был еще аспирантом и ему крайне хотелось уточнить целый ряд деталей только что составленной им геологической карты рудного поля; карты, которая и сейчас является лучшей геологической основой Каджарана. Мы с Гаспаром помогали Сурену Амбарцумовичу в составлении детальных зарисовок, описании подземных выработок, вели многочисленные замеры трещин для уточнения вопросов структуры месторождения и т. д. Научным консультантом диссертационной работы Сурена Амбарцумовича был Дмитрий Иванович Щербаков. Дмитрий Иванович никогда раньше не бывал в Каджаране и в том году обещал непременно посетить месторождение. Жили мы в небольшом доме—скорее землянке-мазанке, сложенной из больших и малых речных валунов. Все дома селения были точно такими же. Как не похож облик сегодняшнего поселка с его большими светлыми благоустроенными домами на то селение, в котором жили и работали первые разведчики и геологи Каджарана!

И вот однажды, дождливым вечером, к нам в отряд приехал Дмитрий Иванович вместе со своим помощником, геологом Г. Р. Шушания.

В те дни весь Каджаран и окружающие горы были окутаны густым туманом, таким плотным, что на расстоянии двух-трех шагов едва можно было различить предметы. Дмитрий Иванович был слегка простужен, но просил всех не обращать на его состояние никакого внимания. Мне и раньше приходилось много слышать о Дмитрие Ивановиче, но такого интересного рассказчика, такого доброго, простого и чудесного человека мне пришлось встретить впервые. С ним было удивительно легко. Казалось, что Дмитрию Ивановичу были абсолютно безразличны условия нашего далеко не блестящего быта. Не это было для него важным. В Каджаране Дмитрий Иванович был впервые и ему очень хотелось увидеть всю панораму месторождения в целом, которое он уже тогда довольно точно назвал «огромным, загадочным и еще неразгаданным сфинксом». На другой день, несмотря на туман и морозящий дождь, мы все вместе отправились в район Центрального участка, к утесам даек. Помню тогда очень бурно дебатировался вопрос роли даек в общем процессе оруденения месторождения и Сурен Амбарцумович старался показать все опорные обнажения, подтверждаю-

щие его точку зрения. На Дмитрия Ивановича произвели большое впечатление мощные, интенсивно развитые марашистые участки зоны окисления. Узнав, что минералогия зоны окисления никем еще не описана, Дмитрий Иванович посоветовал Сурену Амбарцумовичу поручить этот раздел исследований выполнить мне. Предложение было принято и после многолетней работы над этой темой она была завершена изданием монографии, посвященной минералогии зоны окисления всех главнейших медно-молибденовых месторождений Республики и в первую очередь, конечно, Каджарана.

По вечерам Дмитрий Иванович и Сурен Амбарцумович подолгу обсуждали спорные вопросы, касающиеся геологии месторождения. Как сейчас помню, что в ходе обсуждения Дмитрий Иванович очень внимательно выслушивал каждое высказывание и его советы часто заставляли по-новому, шире и глубже вникать в существо рассматриваемых вопросов. Единственно, что омрачало пребывание Дмитрия Ивановича в Каджаране—это пасмурная погода, но к общей радости, в день его отъезда, когда лошади были уже навьючены, вдруг неожиданно туман начал рассеиваться и выглянуло солнце. Все прояснилось и все сразу повеселели. Дмитрий Иванович сейчас же достал фотоаппарат и быстро сделал несколько снимков и снял на память всю нашу группу. У меня до сих пор сохранился один из этих снимков, который потом Дмитрий Иванович прислал мне в Ереван. Много лет спустя, в 1952 г., вышло первое издание путевых очерков Дмитрия Ивановича—«по Крыму, Кавказу и Средней Азии». В этой книге есть снимок, сделанный в то памятное светлое утро. К сожалению, в надпись под этим снимком вкралась досадная ошибка, вместо «в районе селения Каджаран» значится сел. Урумыс.

Шли годы, многое изменилось с тех давних пор. Но Дмитрий Иванович, несмотря ни на какие обстоятельства, не изменял своего ровного, внимательного отношения к окружающим. Последние годы мы работали с ним в одном институте—ИГЕМ АН СССР и я часто встречала Дмитрия Ивановича, к сожалению, теперь уже явно больного. Но он всегда оставался таким же неизменно приветливым и при встречах, прежде всего, никогда не забывал спросить: «Ну, как идут дела?»

Проходит время, в памяти всех кто знал Дмитрия Ивановича, кому посчастливилось с ним общаться и работать, он был и остается самым Настоящим Человеком.